

КУМИР

Ашхен очень нравилось, что прохожие останавливали взгляд на ее спутнике. Нравилось даже, когда на него глазели молодые девушки. Иногда ловила себя на мысли, что хочется ревновать всех девушек Еревана к ее жениху, к ее Вараздату. Женщины не узнавали в нем знаменитого боксера, которого довольно часто показывали по телевидению. Это было досадно, но не удивительно. Редко кто из женщин смотрит бокс по телевизору. Женщины не воспринимают этот, что ни говори, жестокий вид спорта. Женщины всегда против насилия. А тут, какие бы теории ни разводили, — явное насилие. Один бьет кулаками другого. И побеждает тот, кто наносит удар посильнее.

Другое дело — мужчины. После каждого турнира у всех мужчин на устах одно имя: Вараздат. Выигрывает финальный бой — имя его смакуют на каждом углу. Проиграет — обзывают судью дурными словами. Конечно, только он, рефери, виноват в том, что Вараздат пропустил мощный удар в челюсть слева. И вообще, если бы не эти судьи, то в финале всегда можно было видеть только Вараздата. Ирония иронией, но болельщиков можно понять. На то и болельщики. Они хотят на экране видеть лицо своего кумира всегда... Они уже привыкли к этому лицу. Высокий лоб, прямые, словно кисточкой обведенные брови, выступающие скулы и аккуратный, совсем не квадратный подбородок, какие обычно бывают у «классических» боксеров.

Но слава Вараздата длилась недолго. Он довольно рано и, как писали газеты, неожиданно даже для самих специалистов сошел с ринга. Оставил большой спорт, никому ничего не сказав о причине. Собственно, конкретной причины и не было, медицинские показатели великолепные. Что же касается возраста, то чемпион находился, что называется, в расцвете сил. Двадцать пять лет.

Во время очередного турнира по боксу, узнав о том, что Вараздат не принимает участия в нем, болельщики принялись со-

чинять легенды. Одни с подробностями рассказывали, как накануне ему удалили аппендикс. Другие уверяли, что он готовится к предстоящему чемпионату мира и потому не хочет тратить силы на второстепенный турнир. Третьи клялись, что собственными глазами читали развернутый репортаж на целую страницу о том, как спортивная общечность прощается с выдающимся боксером. Самое удивительное, все они были по своему правы. В спортивной биографии Вараздата была и такая страница, когда тренеры не дали ему выступить на соревнованиях, так как буквально через несколько дней предстоял ответственный турнир за рубежом. И, наконец, в печати промелькнула мысль: в одном из интервью Вараздат сказал, что он не намерен всего себя и до конца посвящать боксу.

Гадали и рядили не только болельщики. Недоумевала и сама Ашхен. Ничего не смысля в спорте, она нисколько не огорчилась случившемуся. Ни с кем не советуясь, понимала, что слава ее жениха, при всей ее сладости, не будет надежным подспорьем в семейной жизни. Слава ведь так просто не дается. За все надо платить. И за славу тоже. Например, за последние три месяца всего два дня она виделась со своим женихом. Сборы, тренировки, поездки, соревнования. А что, если все это продолжится и тогда, когда они поженятся? Когда появятся дети? Правда, ей, чего скрывать, очень хотелось, чтобы слава жениха длилась вечно. Но все же в душе ничуть не огорчалась его решению оставить спорт... Ничуть не переживала. Ее Вараздат оставляет большой спорт. Ничего страшного. Для нее куда важнее то, что она теперь чаще будет встречаться с ним, чаще будет видеть его рядом с собой. Она собирается замуж. С тех пор как у нее появился Вараздат, она переменялась. Посерьезнела, что ли. Видела себя в роли хозяйки. Хотелось ей быть очень любимой и очень слабой, чтобы ошутимо радоваться тому, что у нее есть любимый, за которым она будет как за каменной стеной. Ей не нравились сильные, властные женщины, которые, хлебом их не корми, непременно хотят при всех показать свою власть, свою волю, не подозревая, что этим самым унижают не только собственного мужа, но и себя. Она готовилась выйти замуж, и в ней пробуждалась великая мудрость женщины, на которой, если призадуматься, держится мир. Эта молодая еще женщина, только-только начинавшая ощущать всю серьезность и ответственность будущей хранительницы будущего очага, всякий раз, когда видела, как в кино жена бьет наотмашь мужа по лицу, приходила в ярость. Как бы ни заслу-

жил такого вот, с позволения сказать, наказания муж-бестолочь, муж-алкоголик, нутром своим Ашхен чувствовала, что так нельзя. Нельзя показывать на всю страну, как жена унижает, оскорбляет мужа. В каждом отдельном случае, может, все бывает оправданно. Но только — в каждом конкретном случае. Не больше. А искусство — это не сумма случаев. Это прежде всего великий пример. Пример для подражания. Женщина, способная унижить мужа, не должна жить с ним. Это — тоже великий пример веков. Женщина возвышается лишь тогда, когда она возвышает мужа. Ашхен мечтала только об одном: всегда и во всем возвышать своего Вараздата. Он сам себя уже возвысил. Но, известно, на высоте труднее удержаться, чем у подножия.

Ашхен не переживала еще и потому, что осознавала самое главное: Вараздат сделал в спорте все, о чем можно только мечтать. Газеты так и писали: «Завоевал все титулы, о которых может мечтать настоящий боксер». Писали и о том, что он боксером родился. И вовсе не случайно назвали его Вараздатом, именем, которое золотыми буквами вписано в историю древних Олимпийских игр. Армянский царь Вараздат из Арташата стал чемпионом в третьем веке. Всего добился Вараздат. Но всему приходит конец. Кто сказал, что двадцать пять лет для спорта — это мало? Кто сказал, что решение своевременно оставить ринг — не есть тоже победа? Пусть последняя — но победа.

И все же, как ни радовалась Ашхен, она чутьем улавливала, что с ним произошло то, чего он сам еще не уяснил для себя. Что бы там ни говорили, но не мог же здоровый молодой человек вот так, ни с того ни с сего взять и бросить любимое дело, которое принесло так много минут счастья. Не только чувствовала сердцем, но и понимала умом, что не мог здоровый человек вот так запросто и с такой легкостью взять и отказаться от славы, о которой мечтает каждый. Так ведь не бывает. Спорт — это страсть. И нетрудно догадаться, что оставляют спорт лишь тогда, когда угасает спортивная страсть.

Ашхен вспомнила давно прочитанный небольшой рассказ. Шестидесятидвухлетний вдовец через год после похорон жены взял да и женился на шестнадцатилетней девушке. Двое сыновей вдовца отказались от отца. Все село отвернулось от человека, который пошел на такой противоестественный шаг. А старик сыграл настоящую свадьбу. Правда, на ней не было ни гостей, ни музыкантов. Седобородый жених да юная девица. И

все же обряд был соблюден. Столы накрыли на все село. Рассказ был документальный. Писатель, оказывается, встречался с тем стариком, когда тому стукнуло сто двадцать пять лет, и с той невестой, которой уже было под восемьдесят. Родила она своему старику кучу детей. Признавалась, что жила с ним как за каменной стеной. А старик, профессиональный охотник, все смотрел выцветшими глазами в сторону леса. Охотника манило туда, в лес, но глаза... только они и подводили. Значит, старик знал, на что идет. Знал он свои силы и себя самого. Иначе не пошел бы на «противоестественный шаг». Померли все, кто отвернулся от него, а старик все трудился и укреплял свою семью. Он чувствовал силу страсти. Может, и верна поэтическая формула: «Сила страсти ничто пред холодом ума». Но все же сила страсти — это тоже сила!.. Если Вараздат отказался от своего спортивного счастья, значит, он лучше чем кто-либо сознавал, что угасает в нем спортивная страсть. И когда однажды при ярком солнечном свете Ашхен обнаружила какой-то нездоровый блеск в его глазах, все тем же женским чутьем догадалась, что ее возлюбленный болен. Не знала, чем именно, но не сомневалась, что беда уже случилась.

Вараздат отшучивался, когда родные и близкие, многочисленные друзья разводили руками, мол, как это: звезда мировой величины — и вдруг пойти на такое. Он смеялся. На письма болельщиков отвечал витиевато. Бодрился. И лишь одна Ашхен замечала, с каким трудом Вараздату удается играть новую для себя роль. Он явно фальшивил. Порой переигрывал, пытаясь обмануть себя самого.

Через полгода после того как спортивный мир официально распростился со своим кумиром, случилось то, что было уготовано судьбой. Случилось то, что потрясло всех. И опять же лишь одна Ашхен довольно спокойно приняла известие: неизлечимая болезнь. Свой безошибочный диагноз она поставила давно. Она слишком была молода, чтобы до конца представить всю безысходность положения, и слишком мудра, чтобы не догадаться о надвигающейся трагедии. Одно успокаивало: она по-прежнему любила Вараздата, а с тех пор, как в его глазах увидела беду, полюбила еще сильнее.

Ашхен каждый день навещала Вараздата, который лежал в одноместной палате на высокой кровати. Иногда с утра до вечера оставалась с ним наедине. Шутила, что наверстывает упущенное: слишком часто разлучались из-за нескончаемых спортивных сборов. Она видела, как изо дня в день меняется ее

жених. Слишком резко стали выступать скулы, слишком большими сделались глаза. Руки худели. И это было особенно заметно оттого, что кулаки оставались по-прежнему большими, мощными. Ашхен часто любила повторять: «Я люблю твои кулаки. Только не потому, что ими дерешься». И он всегда в ответ говорил одно и то же: «Я не дерусь. Я не люблю драться». Вот и сейчас она по привычке произнесла:

— Я люблю твои кулаки...

— Не надо так, Ашхен.

— Почему не надо? Я действительно люблю твои кулаки. Я теперь смотрю на мужские кулаки и все время думаю, что у тебя они не просто мощные, они какие-то гордые, красивые.

— Были.

— Опять за свое.

— Ты хоть не играй со мной чужую роль. Все и так со мной сюсюкают, словно я слепой или недотепа какой.

— Ты не слепой и не недотепа. Ты болен. И надо вылечиться.

— Я не вылечусь.

— Я люблю тебя.

— Я о другом.

— А я люблю тебя.

— Если любишь, сделай то, о чем прошу.

— Ты прекрасно знаешь, что я очень тебя люблю. А в твоей просьбе есть что-то от торга.

— Достань яд.

— Зачем?

— Сама знаешь, зачем...

В ту ночь Ашхен не сомкнула глаз. Она думала о Вараздате, насколько не осуждая его. Нелегко, наверное, вот так, с высоты, в буквальном смысле слова, с высоты пьедестала, упасть в пропасть, которую люди назвали обреченностью, роком. Говорят, низвергнутые короли чахнут на глазах. А тут не король, тут кумир толпы. Ашхен была искренне удивлена, когда читала высказывания известного поэта о боксе. Она не могла пропустить эту публикацию. Как не могла пропустить ничего, что имело отношение к боксу. Поэт писал о своем соотечественнике, царе Вараздате. Писал о том, что ничего не изменилось с тех пор, как царь из Арташата стал первым армянским чемпионом в кулачном бою на последних Олимпийских играх античности. Поэт размышляет: наверное, сейчас, как и в те далекие времена, боксер ощущает сильную боль, пропустив мощный удар.

И так же клокочет сердце в груди, когда спортсмена объявляют победителем. Наверное, как прежде, так и теперь, в те самые секунды, когда его увенчивают лавровым венком, он думает о своей Родине, о своей возлюбленной... Значит, и ее Вараздат в «те самые секунды» думал о Родине и думал о своей возлюбленной, о своей Ашхен. Не всем удается пережить «те самые секунды». Лишь единицам. Лишь избранным. Ее Вараздат пережил эти возвышенные секунды. И тем труднее даются часы и дни, наполненные тоской, обреченностью и болью. Да, у него уже появились боли. Он их скрывает от родных, даже от врачей. Но ведь от Ашхен ничего не скроешь.

Дверь палаты сильно скрипела, и поэтому ее все время оставляли открытой. Только на ночь закрывали. Днем же, как врачи ни запрещали, от посетителей не было отбоя. Все именитые спортсмены: чемпионы, экс-чемпионы. Приходили навещать ответственные работники. Город уже знал, что его кумир тяжело болен. Город беспокоился. Врачи на многочисленных своих консилиумах сходились на одном: может, из чисто психотерапевтических соображений вскрыть брюшную полость? С одной стороны, уточнение диагноза. С другой, — чем черт не шутит, глядишь, что-то подскажет реальная ситуация. Все спорно. И всегда будет спорно. Врачи должны до хрипоты спорить на своих консилиумах. Медицина — наука. Значит, многое можно предвидеть, знать заранее. В конце концов, еще задолго до того, как Армстронг ступил ногой на лунную поверхность, люди знали, что там сила притяжения в шесть раз меньше, чем у нас на земле. Еще до болезненной операции, проводимой под общей анестезией, можно все-таки знать точно — нужна она или нет. Здоровый человек исцарапается в кустах ежевики и несколько дней ощущает боль на коже. Случайно уколешь иголкой палец и целую неделю ощущаешь боль. Порежешься во время бритья, и с неделю остается на щеке багровая полоска. А тут истощенный, измученный, исстрадавшийся человек, которому должны вскрыть брюшную полость! Один случайный укол в палец — боль на целую неделю. А ведь только во время удаления аппендикса — до двадцати, а то и до пятидесяти уколов иглой. Вот почему спорили маститые медики, собравшись решить судьбу Вараздата. Сделать операцию — значит продлить мучения. И не только продлить. Усилить их. Не сделать — значит опустить руки. А еще точнее — поднять их перед самым роком. Оптимизм — не самообман. Оптимизм держится на реальных расчетах, как и все на этой земле.

И врачи решили не делать лапоротомию, не оперировать. Химиотерапия. Обезболивающие. И никого, даже самых близких Вараздата, не удивляло, что врачи чаще всего держали совет с Ашхен, спрашивали в первую очередь ее мнение. Ашхен тоже была против операции. Она прекрасно видела, к чему все идет. И все же не паниковала. Если уж говорить об оптимизме, то единственный человек, который не терял этого чувства, была Ашхен. За все время пребывания в больнице Вараздат ни разу не видел на лице невесты ни безысходности, ни жалости. Он видел, что Ашхен не играет чужую роль и не переигрывает свою. Она прежняя, такая же, как когда он был чемпионом. И всякий раз, когда в палате собиралась большая толпа, Вараздат хотел только одного: чтобы все ушли и осталась лишь Ашхен. Об этом он никогда не говорил. Но это хорошо знала Ашхен. И она всегда довольно ловко в нужную минуту выпроваживала гостей. Все обычно беспрекословно исполняли ее просьбу. К тому же друзья и товарищи чувствовали неловкость от общения с Вараздатом. Еще вчера могучего телосложения человек весь высох. Из-под больничной пижамы торчали заострившиеся плечи, ходуном ходил кадык на тонкой шее. Люди говорили с больным, а он не мог поймать их взгляда. Они боялись смотреть ему в глаза. Глядели на стены, в окно. Только не в глаза. Все это тоже замечала Ашхен, и сердце ее обливалось кровью.

Каждый раз, проводив посетителей, Ашхен обычно начинала наводить порядок в палате. Раскладывала гостинцы в холодильнике, на подоконнике, на столе. Выносила парочку-другую стульев в коридор. И лишь когда в палате устанавливался порядок, садилась на свое место, у самого изголовья больного. Брала в свои крохотные руки все еще мощные кулаки Вараздата и прижимала их к своим холодным щекам.

- Ашхен.
- Да, родной.
- Ты мне тогда ничего не ответила.
- Я люблю тебя.
- Ты опять за свое.
- Это не мое. Это наше. Моя любовь — наше богатство.
- Я тебя просил...
- Ты эгоист.
- Мне тяжело. Тяжело все это видеть.
- И мне тяжело.
- Я вижу. Именно поэтому...

— Именно поэтому — эгоист. Ты думаешь не обо мне, а о себе. Хочу, чтобы ты думал и обо мне. Я родилась под счастливой звездой, встретила тебя. У меня есть ты. Я счастлива каждой нашей минутой. Ты хочешь отнять у меня, у нас наши счастливые минуты.

— Не мучь меня.

— Я люблю тебя.

— Никто не виноват во всем этом. Я много раз не мог удерживать слез на пьедестале почета. Когда возвращался в Ереван, думал, сердце разорвется от счастья. Ты приносила мне это счастье. Я все имел сполна. И за все, по-видимому, надо действительно платить. Но зачем же мучить?

— Я люблю тебя.

— У меня страх. Страх перед предсмертными мучениями. Никто этому чувству не учил меня. Я сам дошел до него. Пистолета у меня нет. Как и нет другого выхода...

— Есть выход.

— Какой?

— Жить.

— Ты меня не хочешь понять.

— Это ты меня не хочешь понять. Ты просто глупый мальчик. Я сегодня в твоих глазах увидела блеск. Сейчас его уже нет. Он появляется тогда, когда ты веришь. Когда не хнычешь...

— Я не хнычу.

— Если в этой палате соберутся все врачи мира, никто из них не сможет увидеть этого блеска в твоих глазах. Только я. Что-то происходит в тебе. Я видела блеск-отблеск. А это только начало.

— Ты некрасивая. Я тебя не люблю.

— Неправда, я красивая, и ты любишь меня. Ты так говоришь, чтобы я не очень мучалась после. Но ты не знаешь о главном.

— О чем?

— О том, что ты не умрешь. Я вновь вижу блеск. Я люблю мой блеск в твоих глазах...

...Через месяц дежурный врач, докладывая на пятиминутке, сказал, что Вараздат спокойно спал ночь. Такую информацию о бывшем чемпионе по боксу врачи слышали впервые за последние недели. Заведующий отделением рекомендовал повторить биохимические анализы.

Ашхен не отходила от Вараздата. Ей первой показали анализы. Лаборантка, не скрывая радости, сказала, что случилось

невероятное. Анализы были взяты словно у другого человека. Ашхен ворвалась в палату, готовая зарыдать от нахлынувшего счастья, но у самого порога взяла себя в руки. Подошла к Варзату и тихо сказала:

— Ты знаешь, на что похожа наша палата?

— Почему наша?

— Потому... Так на что она похожа?

Варзат, улыбаясь, пожал плечами. Он давно не улыбался.

И улыбка была не вымученная.

— Наша палата похожа на ринг, — весело сказала Ашхен.

— Как это на ринг?

— Она квадратная. Совсем как ринг.

— Ты сумасшедшая.

— Я тебе завтра принесу боксерские перчатки...